

Натали Ви

Дом в конце липовой аллеи

Натали Ви

Дом в конце липовой аллеи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73287713

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге «Дом в конце липовой аллеи» рассказывается о приключениях четырёх подростков, которые однажды ночью решили исследовать старый особняк в конце липовой аллеи. Их ждёт множество открытий и тайн, связанных с прошлым дома и его загадочной хозяйкой. В книге переплетаются элементы мистики и реальности, а также дружба и приключения. Она погружает читателя в атмосферу загадочного дома и его тайн, заставляя переживать за героев и вместе с ними раскрывать секреты прошлого.

Натали Ви

Дом в конце липовой аллеи

ДОМ В КОНЦЕ ЛИПОВОЙ АЛЛЕИ.

В липовой тени легче потеряться, чем найтись.

Пролог

(Сентябрь 1993 год.)

Они шли по проселку, как всегда – вчетвером. Неразлучная компания тринадцатилетних подростков:

Сева – был самым отчаянным. Ему хотелось доказать, что он смелее всех. У него не было отца, и он стремился показать, что способен быть лидером. Он мечтал найти сокровища и стать героем среди друзей.

Игорь – тихий фотограф-любитель. Всегда таскал с собой камеру “Зенит” и все фотографировал. Он мечтал заснять что-нибудь интересное, необычное, что могло бы принести ему славу в школьной газете.

Лена – увлекалась мистикой и эзотерикой, читала “Лунный календарь” и журналы “Наука и жизнь” про аномалии. Везде искала “следы паранормального” и носила с собой красную нить: это был её “магический оберег”.

Маша – ничем особо не увлекалась, была осторожной, тихой девочкой. Но, чтобы не казаться трусихой, соглашалась на все авантюры, которые предлагали друзья.

И сейчас, темной ночью, выбравшись из дома, они направ-

лялись к старому особняку в конце липовой аллеи. Особняк стоял без света, тёмный и выжидающий. Его называли домом Волошиных – фамилия звучала старомодно, как перо с чернильницей.

В городке говорили, что хозяйка – одинокая Аглая Сергеевна, уехала в девяносто первом и не вернулась. И теперь дом пустовал. Окна первого этажа были забиты, но одно на веранде болталось на ржавый петлях.

Ребята подошли к воротам. Липы шуршали над ними. Ночь была тёплой, и луна освещала им путь.

– Ну что, готовы? – сказал Сева и толкнул ворота. Они со скрипом отворились. – Сюда ещё никто не решался забраться, а мы решились. Завтра вся школа ахнет.

– Ахнет, если мы вообще вылезем обратно, – пробормотала Маша и оглянулась. Ей все время казалось, что за ними кто-то идёт.

Игорь поднял камеру, щелкнул без вспышки: дверь, облупившаяся краска, заросший двор.

– Хотя бы будет доказательство, что мы здесь были. Ещё внутри тоже снимаю. Фотографии честнее всех слов.

– Фотографии? – Сева ухмыльнулся. – Ты как старушка с альбомом. А вот когда я найду там что-то стоящее... тогда поверят.

– Что, например? – спросил Игорь.

Сева вдруг засмутился. – А если сокровища? – Его глаза загорелись азартом.

– Сокровища!?! – Игорь засмеялся и похлопал друга по плечу.

– Давайте уже войдем.

Лена стояла чуть в стороне, на ладони у неё лежали красные нитки. Она раздала каждому по нитке.

– Привяжите на дверные ручки. Чтобы выбраться обратно. Нить

– это связь. Без неё можно заплутать.

– Где там плутать? В трех комнатах и коридоре? – Сева рассмеялся. – Ну ты, Ленка, даёшь!

– Не смейся, – резко перебила Лена. – Я читала: в таких домах иногда стены меняются местами. Люди не выходят оттуда, потому что ходят по кругу. Маша сжала нитку в кулаке:

– Может, хватит? Давайте просто сфотографируем и уйдем.

Сева посмотрел на неё снисходительно:

– Трусиха. Слушай, Машка, мы сюда пришли не воздух нюхать. Дом старый, в нем могли оставить древние книги, монеты... все, что угодно. И мы это найдём.

– И если найдём? – осторожно спросил Игорь.

– Если найдём, – улыбка Севы стала почти взрослой, уверенной, – я стану первым, кто об этом скажет. А вы будете свидетелями.

Ветер пошевелил липовые ветви. В темноте казалось, что на них висит не листва, а чьи-то лица.

Игорь поднял объектив еще раз и в кадре на секунду по-

казалось, будто в окне второго этажа стоит силуэт. Когда он моргнул, силуэт исчез.

– Там вроде кто-то есть. – тихо сказал он и указал на окно.

– Никого, – отмахнулся Сева. – Это игра теней.

Он потянулся к замку, засунул отмычку и через минуту дверь со скрипом поддалась.

–

Все. Пошли. – сказал он, довольный, и вошёл первым.

Остальные переглянулись. Лена обвязала нитку на ручке двери. Маша вздохнула и шёпотом произнесла:

–

Только бы все закончилось быстро.

Игорь последним шагнул за порог, крепко сжимая в руках камеру.

–

Если что-то случится, – подумал он, – камера все запомнит. Даже, если мы забудем.

Дверь захлопнулась за их спинами, как крышка сундука. Сева бодро щелкнул фонариком, но луч дрожал, не из-за батарейки, а от руки.

Первое, что ударило в нос – запах. Не просто сырость, а сладковатый дух, будто где-то недавно чистили яблоки и оставили кожуру гнить в углу.

Игорь поднял камеру, нажал пуск. Вспышка полоснула комнату белым светом, и на мгновение стены ожили. По обеим сторонам висели десятки фотографий: мужчины и жен-

щины, строго одетые, прямые спины, руки на коленях. Старые студийные снимки в узких рамках.

– Смотри, как будто галерея, – прошептала Лена, приблизившись. Она провела пальцем по стеклу одной из фотографий. Под ней чернилами было выведено:

“ А.С.Волошина, 1958”.

– Они смотрят, – добавила она тихо, так, чтобы остальные почти не услышали. Сева фыркнул.

– Да обычные предки. У любой семьи такое висит.

Но Маша, уткнувшись в другую фотографию, отпрянула.

– Здесь... – её голос дрогнул. – Здесь глаза как живые. Он будто сейчас моргнет. Игорь направил камеру – в объективе лица выглядели еще резче, чем в реальности, и казались чуть ближе, чем были на самом деле.

– Ну и что, – отмахнулся Сева, но сам отвернулся, как будто взгляд со снимка стал слишком настойчивым. – Пошли в библиотеку. Там интереснее.

Они двинулись по коридору. Половицы под ногами жалобно скрипели. Лена то и дело останавливалась, привязывая нить к ручкам дверей. Красные узлы тянулись за ними, как кровавый след.

На секунду из глубины дома донесся тихий щелчок – будто кто-то завёл механизм.

– Слышали? – спросил Игорь.

– Слышали. – шёпотом ответила Маша.

– Это просто трубы, – бросил Сева и пошёл первым, но

шаги его стали быстрее. В библиотеке пыль лежала ровным слоем на столе, а на нем аккуратно перевязанная стопка тетрадей и газет, и деревянная шкатулка с крошечным замочком. Они обошли вокруг, осветили на стеллажи с книгами.

– Ничего интересного. – сказал Сева. – пойдёмте лучше в подвал. В этот момент в коридоре за их спинами тихо клацнуло. Дверь, которую они оставили открытой, теперь была закрыта. А на ручке красной нити не оказалось.

– Я же привязывала... – прошептала Лена.

Сева с шумом распахнул дверь, словно хотел напугать не друзей, а сам дом. Они пошли дальше по коридору.

– Вот, лестница, наверное в подвал. – заметил Игорь.

– И дверь открыта. – добавила Лена, и привязала к ручке красную нитку. Сева осветил фонариком : ступени, скользкие, как будто их поливали водой, уходили вниз.

Воздух становился холоднее.

– Фу, тут как в погребе, – Лена зажала нос. – Сырость. И запах... пахнет гнилыми яблоками.

– Самое то для соковищ, – отозвался Сева.

Они спустились вниз и уперлись в низкий потолок и стену, где стояли ржавые железные полки. На них коробки с какими-то бумагами.

Игорь продолжал щелкать камерой. А Сева осветил по сторонам. Луч его фонаря упал на деревянный ящик в углу. Доски тёмные, крышка с выбитым годом “1913”. Металл замка был почти съеден ржавчиной.

– Наверняка тут что-то поинтересней. – сказал он и поддел крышку отмычкой. Треск,скрежет,и доска отъехала в сторону. Внутри – тетрадь в твердой обложке и узкая коробка,словно футляр от скрипки,только меньше.

Сева вытащил её. Отодвинул крышку, и в подвале зазвучала мелодия – тонкая,не ласковая,а настойчивая,как звонок, который никто не хочет слышать.

– Музыка? – Лена вздрогнула. – откуда?!

– Это шкатулка, – ответил Игорь,снимая на камеру,хотя руки дрожали. Внутри коробки лежал предмет,завернутый в пожелтевшую газету. Сева развернул бумагу. Там оказался золотой гребень для волос,тяжёлый,с изящной филигранной работой. Зубцы длинные и острые,почти как маленькие кинжалы,блестели холодным светом. Верхняя часть украшена завитками в виде ветвей липы,а в центре сверкали три камня: два изумруда по бокам и один крупный рубин в середине.

– Вау! – Лена не могла оторвать взгляд. – какая красота!

– Вот оно! Сокровище! Он точно древний, – восхитился Сева. – Я заберу его.

– Не надо! – Маша схватила его за рукав. – положи обратно. Это плохо.

– Глупости, – усмехнулся он. – С этим мы точно войдем в историю.

В этот момент в темноте снова щелкнуло. И тут же дверь наверху закрылась с глухим ударом.

– Эй! – крикнула Лена. – Кто там?!

Ответа не было. Только мелодия стала громче, как будто кто-то завел механизм до конца.

– Валим отсюда! – скомандовал Игорь, и они понеслись наверх, едва не падая на скользких ступенях. Быстро выскочили из подвала, и дверь хлопнула за их спинами. Все четверо рванули на выход.

– Быстрее! – кричал Сева, не выпуская из руки золотой гребень.

– Мы сделали это!

Они пронеслись по веранде, пересекли сад и выбежали на дорогу. Только там остановились, переводя дыхание.

– Больше никогда, – сказала Маша, всхлипывая. – Никогда.

– Да брось, – Сева усмехнулся, – это было круто!

Он шёл впереди, вертел в руках свое сокровище и смеялся громко, надрывно, будто хотел перекричать собственный страх.

– Вот увидите, завтра все нам завидовать будут! Мы – первые!

Они дошли до перекрёстка, где расходились в разные стороны: Маша – к своей улице, Лена – к магазину, Игорь – чуть дальше к центру. Сева должен был идти последним – в сторону пруда, где его дом. Они начали прощаться, как вдруг пронёсся холодный ветер, и в темноте будто мелькнул силуэт.

Игорь повернулся – никого. И Севы – тоже.

– Наверное, свернул домой, – растерянно сказал Игорь, и в его голосе послышалось сомнение.

– Конечно, домой, куда же еще? – подхватила Маша.

– Давайте уже расходиться, утро скоро. – устало сказала Лена.

Они разошлись по домам, стараясь не смотреть друг на друга. Никто не хотел признаться, что исчезновение друга случилось слишком внезапно.

Севу нашли утром на липовой аллее. Почтальон, разносящий газеты, увидел его. Сначала он подумал, что мальчишка просто спит на траве после ночных прогулок. Но когда наклонился – понял, что мальчик мёртв: глаза широко раскрыты, губы посинели. Тело холодное.

Его правая рука была сжата в полукулак, как будто он держал что-то невидимое. Пальцы все в порезах, как от маленьких кинжалов.

Врачи сказали: “ сердце “. Молодое сердце вдруг остановилось. Но никто в Старосельске не поверил. Слишком уж ужасным было выражение на лице мальчика.

С тех пор липовую аллею обходили стороной. Днём – тишина, ни птиц, ни ветра. Ночью казалось, будто сами деревья шепчут чужими голосами.

Говорили, если встать на то место, где погиб мальчик, можно услышать тихий перезвон, будто завели музыкальную шкатулку.

Глава 1

(2013 год.)

Анна Левина узнала о наследстве в среду утром, когда нотариус Огарев позвонил в самый неподходящий момент. Голос у него был вежливый, как у человека, который привык произносить слова “вступление в права” и “неделимое имущество” чаще, чем “доброе утро”.

– Анна Михайловна, вам достался дом. Старый. В Старосельске. По завещанию Аглаи Сергеевны Волошиной. Вы – единственная наследница.

Анна молчала, смотрела на кружку с остывшим кофе и пыталась вспомнить, была ли в её семье вообще какая-то Аглая. Наверное, мама рассказала бы ей, но вот уже год, как её не стало. Опять же в мамином паспорте девичья фамилия – Волошина.

– Куда мне приехать? – спросила она, удивляясь, как спокойно звучит её голос.

– Я отправлю вам координаты. – ответил Огарев и отключился.

В Старосельск Анна приехала в пятницу на своей новенькой машине. Дорога змеилась между полей, деревья над шоссе сомкнули ветви – и воздух стал холоднее. Она подъехала к дому: аллея вела к нему, как ровная стрелка.

Фасад серый, облупленная лепнина. Калитка закрыта на висячий замок, а на столбе возле калитки – маленькая жестяная табличка: “Муниципальная охрана” и номер телефона, выцветший до тени.

Огарев ждал её у ворот – худой, в тщательно выглаженном костюме. Рядом – мужчина лет шестидесяти с ключами на шнуре.

– Анна Михайловна, – нотариус улыбнулся, – это Павел Матвеевич, сторож. Скажем так... добровольный.

Павел кивнул. Лицо, обожженное ветром, руки с чёрными трещинами. Сразу было видно, что человек много работает на улице. Он молча поддел замок, ключ раздражённо повернулся.

– Здесь много лет никто не живёт. – сказал сторож, будто оправдываясь. Они вошли.

Первый этаж встретил тишиной, такой плотной, что хотелось повернуть её в руках, как ткань. Окна в чехлах пыли, стены с семейными фотографиями – улыбки прошлого века. На одной из них Анна задержала взгляд – нос и линия губ напомнили маму. Она посмотрела на подпись “ А.С.Волошина, 1958”.

– Анна Михайловна. – Огарев разложил перед ней несколько листов. – Здесь необычное условие, – сказал он, слегка кашлянув. – Дом переходит к вам не сразу. По завещанию Аглаи Сергеевны Волошиной, чтобы стать полноправной владелицей, вы должны прожить здесь один год.

– Иначе? – спросила Анна, приподняв бровь.

– Иначе дом возвращается в собственность города. Снос, реконструкция, перепродажа... Это уже не ваше.

Анна склонилась над бумагами. Почерк подписи – твёр-

дый, с чёткими завитками, и в нём чувствовалось что-то странно знакомое.

В конце была приписка: *“и пусть дом достанется тому, кто сумеет раскрыть его тайну.”*

Анна вопросительно посмотрела на нотариуса. Огарев объяснил: “Завещательница настаивала, чтобы это осталось. Мы включили как комментарий.”

Анна задумалась. Год. Двенадцать месяцев в чужом доме, среди чужих фотографий и вещей. Её прежняя жизнь – архивы, каталоги, тишина – осталась в Москве. Здесь же ей предстояло не просто жить – выживать, пока дом не решит, заслуживает ли она право называться его хозяйкой. И еще надо будет решить вопрос с работой. Но вообще-то это не должно быть проблемой, можно взять творческий отпуск на год.

– Я согласна. – сказала она, сама, удивляясь такому быстрому решению.

– Вот и отлично! Давайте подпишем все документы, и мы вас оставим. – Павел, дайте Анне Михайловне ключи от дома, пожалуйста. – он посмотрел на сторожа.

– Есть только от входной двери и комнат. – Павел протянул ей связку ключей. – Подвал... закрыт отдельно. Ключей от него нет.

– Как это – нет? – Анна вскинула брови.

– Потому что он заколочен. – пояснил сторож. – Так Аглая Сергеевна захотела. Пару лет назад прислала мне письмо, где

просила подвал заколотить. Ну я так и сделал.

– Очень интересно. – ответила Анна. – Ну что ж, нет так нет.

– Да вам туда ходить и не нужно, спокойней будет. – сказал Павел. Анна с любопытством посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Ну все! Документы подписаны. – вмешался нотариус. Мы вас оставляем. Располагайтесь, привыкайте к дому.

Он выразительно посмотрел на сторожа.

Тот кивнул: “ Если что-то будет нужно, обращайтесь. Я живу здесь рядом.

– Хорошо, спасибо. – поблагодарила Анна.

Когда за ними закрылась дверь, Анна шагнула в прихожую, огляделась. Она сняла пальто, повесила на крючок у двери и машинально поправила волосы, собранные в хвост – несколько прядей, как всегда упали на лицо. Она любила свои волосы, густые, красивого каштанового оттенка, это у нее от мамы. Сняла очки в темной оправе, протерла стекла краем шарфа и снова надела: так она делала всегда, когда была напряжена.

В свои тридцать два года она построила неплохую карьеру: была архивистом и переводчиком, знала несколько языков. Работала с документами в библиотечном фонде одного из московских институтов. Её специализация – рукописи конца XIX – начала XX века, часто на французском и немецком. Она привыкла иметь дело с пылью, старыми чернилами.

ми, трудно читаемыми почерками. Её жизнь было спокойной и предсказуемой: рутина архивов, статьи для небольших исторических журналов, редкие поездки на конференции. У Анны почти не было друзей – несколько бывших однокурсников, редкие звонки. Личная жизнь не сложилась: все романы заканчивались тихо и незаметно, как недописанные главы. Иногда ей казалось, что её видят только в контексте работы: “ Анна, у вас наверняка есть список по фамилии...”, “ Анна, вы умеете читать этот почерк...”

Она не жаловалась. Просто по вечерам в её квартире было слишком тихо. Тогда Анна садилась за стол с чашкой чая и переводила письма – не для публикации, а “ для себя”. Иногда она даже слышала голос автора: усталый офицер, тоскующий студент, жена, пишущая мужу. Её рука бегала по строкам, и она ощущала странное тепло – будто хоть кто-то доверяет ей свои слова. Одиночество у неё было не резким, а ровным. Привычным. И, может быть, именно поэтому, когда позвонил нотариус и сказал: “ Анна Михайловна, вы – наследница дома в Старосельске ”, она не удивилась. Она словно ждала, что в её размеренной жизни что-то наконец должно появиться – чужое, но настоящее.

Анна прошлась по первому этажу, её взгляд снова скользнул по стенам с фотографиями. Под каждой рамкой – аккуратная подпись чернилами, как в фондах её института. Почерк старомодный, но ясный. Она машинально почти достала из сумки тонкий блокнот, в который привыкла делать за-

метки. Но, вспомнив, что она не работает, убрала обратно.

Джинсы и светлый свитер, удобные для дороги, резко контрастировали с тяжёлым интерьером. На пальце серебряное кольцо тускло блеснуло в полоске света из окна. Она коснулась его большим пальцем – привычный жест, словно проверяла, на месте ли память о матери.

– Тишина, – прошептала Анна. И тут же мысленно добавила: *не тишина – ожидание.*

Она прошла в библиотеку, положила сумку на стол и села, аккуратно сложив руки. Движения её были собранными, как у человека, привыкшего к хрупким документам. Но глаза, серо-зеленые, внимательные, уже скользили по углам комнаты, выискивая детали, которые другие могли бы не заметить.

Дом наблюдал за ней. И она знала это чувство слишком хорошо: именно так смотрят с полок старые книги, когда ждут, что их раскроют.

На столе – стопка тетрадей в твердых обложках, перевязанных бледной бечевкой. Рядом – резная деревянная шкапулка. Анна не стала её трогать, но взгляд зацепился. Она поднялась на второй этаж, заглянула в спальни. В одной из комнат с видом на аллею, распаковала сумку. На комоду нашла пустую рамку. Вставила туда мамину фотографию из кошелька.

Анна бродила по дому, пока за окном не стало темнеть. По коридору протянулась тень – её собственная – и тогда, может

быть от усталости, может от накатившей тишины, Анне показалось, что из глубины дома тонко, непослушно прозвучал мотив. Непривычный – сухой, с металлическим привкусом, как если бы кто-то играл на колесике музыкального механизма напрямую.

Анна остановилась. Мотив оборвался. Она заглянула в библиотеку. Шкатулка лежала на месте, крышка закрыта. Она чуть потянула за неё – крышка не поддавалась. Замочек крошечный, как на детских дневниках. Ключа не было.

– “Как странно”. – подумала Анна. Она забрала тетради и прошла

на кухню. Нашла там чай, старый эмалированный чайник и спички. Зажгла газ и заварила чай. В кухне ароматно запахло мятой. Она села за стол и положила тетради перед собой.

На обложках стояли разные даты и почерки – то аккуратный, то

резкий, будто писали на бегу.

Она раскрыла одну.

Октябрь 1918 года.

“Разместились в старой усадьбе Волошиных. Место непривычное: по ночам шорохи, будто кто-то ходит в подвале. Солдаты суеверны, говорят, дом недобрый. Я смеюсь, но ночью сам слышал стук. Проверил – никого. Завтра будем

занимать нижние комнаты для штаба”.

Анна почувствовала, как кожа на руках покрывается мурашками.

Другая тетрадь – почерк совсем иной, быстрый, нервный.

Февраль 1919 года.

“Мы ночуем здесь уже третью неделю. В подвал никто не хочет спускаться, говорят, там холод сильнее, чем на улице. Командир думает, что это сырость. Но вчера ночью у нас пропал часовой. Просто исчез. Нашли винтовку у входа в подвал. Никаких следов.

Анна сжала тетрадь, не сразу решаясь перевернуть страницу.

Даты не было. Почерк другой, похож на женский.

“Я не знаю, кто прочитает эти строки. Мы спрятались в доме, когда началась перестрелка. Здесь тихо, но чувствуется, что стены дышат. Около полуночи услышала плач, как будто детский.

Пошла на звук, он привел в библиотеку. Там под шкафом что-то светилось. Я наклонилась посмотреть, но кто-то остановил меня за руку. Огляделась, никого”.

Анна резко вздохнула, сердце забилося чаще. Она взяла еще тетрадь, самую тонкую.

Март 1919 года.

“Приказано покинуть усадьбу. Солдаты рады, дом пугает их больше, чем пули. Один говорит, видел женщину в белом у лип. Я думаю, нервы. Но и сам не хочу оставаться здесь ночью. Чувствую, будто что-то наблюдает за нами из-под земли”.

Анна закрыла тетради:

–

Что еще за суеверные страхи..

Она подняла взгляд – и увидела на ручке двери узелок красной нити. Анна подошла, потрогала нитку, она выглядела новой. Вроде бы её здесь раньше не было.

– Кто здесь? – спросила она глупо, тихо. Дом не ответил. Только

где-то глубоко шелкнуло – один раз – и стихло.

– Пора спать. – решила Анна и поднялась в спальню. Ночью ей

приснилось, что липы у дома шумят не листьями, а бумажными страницами, и кто-то перелистывает их слишком быстро, пропуская важное.

Проснувшись, Анна услышала ту же мелодию, что и вечером. А на ручке двери опять был завязан узелок красной нити.

Глава 2

Выпив чай, Анна решила прогуляться. Она вышла в сад. Тут же к ней подошла женщина немолодая, невысокая, с короткой стрижкой. Низкий голос, спокойные движения, но взгляд – оценивающий, внимательный. В руках – корзина с яблоками.

– Вы – наследница? – спросила она без приветствия.

– Да. Анна.

– А я Зоя Петровна. Живу через дорогу. Говорят, вам здесь год нужно прожить?

Анна удивилась.

– Откуда вы знаете?

– Это маленький город, все всё знают. – Зоя Петровна сдвинула брови. – Только будьте осторожны Анна, нехороший это дом.

– В каком смысле? – не поняла Анна.

– Как бы получше объяснить. – замялась соседка. – много здесь всего произошло.

– Заходи ко мне как-нибудь, чайку попьём, может и расскажу что.

– А пока вот, возьми-ка яблочки. Они сладкие. – Зоя Петровна протянула Анне корзинку. – Пойду я, а ты приходи.

– Спасибо. – растерянно сказала Анна, глядя вслед удаляющейся соседке. Она занесла корзинку в дом, и снова вышла. “Надо бы познакомиться с окрестностями” – подумала она, и пошла вдоль липовой аллеи. Липы стояли неподвижно, тени вытянулись вдоль дороги, и, казалось, будто стволы уходят в бесконечность.

Она шагала медленно, стараясь не думать о странных словах Зои Петровны и о завещании, которое обязывает её прожить здесь целый год. Воздух был прохладный, но вдруг ей стало не по себе: все стихло. Ни птицы, ни ветерка. Только собственные шаги.

И тут...она заметила его.

Мальчик лет тринадцати – четырнадцати. Сутулые плечи, короткая куртка, волосы, падающие на лоб. Он стоял боком, словно ждал кого-то. Его силуэт был чуть размытым, как старое фото, у которого выцвела рамка.

Анна остановилась, не веря глазам.

– Эй... – позвала она глухо, сама не понимая зачем.

Мальчик повернулся. Глаза широко раскрыты, слишком живые, слишком настоящие. Он вытянул руку и показал куда-то вдаль.

Анна сделала шаг вперёд, но тут же ощутила резкий холод – как если бы сквозь неё прошёл сквозняк. Мальчик открыл рот, будто хотел что-то сказать, и из его горла вырвался только сухой скрип, похожий на звук заводящейся музыкальной шкатулки. Она зажала рот рукой, сердце гулко уда-

рило в виски. Мальчик медленно шагнул назад – и растворился в тени лип, будто его никогда не было.

Оставалась только тишина. Но Анна поклялась бы, что где-то рядом тихо звякнуло – один короткий, резкий звук.

Она бросилась обратно к дому, почти бегом, и все время ей казалось, что за её спиной по траве идут еще чьи-то шаги.

Забежав домой и закрывшись на замок, Анна прислонилась к двери и отдышалась. Её длинные темные волосы растрепались. Немного успокоившись, она сняла пальто, собрала волосы в хвост и прошла на кухню. Налив себе чаю, Анна села за стол и задумалась: что я видела? – спрашивала она себя. – этот мальчик – призрак? Но как такое может быть, ведь призраков не существует. Может на меня так действует этот дом? Надо бы выяснить, кто тут жил, и как я связана со всем этим. Решив заняться подноготной дома, Анна окончательно успокоилась. Ей было привычно копаться в архивах, узнавать истории людей. А тут, тем более история, возможно, касается её самой.

“Наверное схожу к соседке, может она что расскажет. “ – подумала Анна.

Она вышла на улицу и направилась к соседнему дому через дорогу. Дом был небольшой, но ухоженный. В некоторых местах обвитый выюнком. Анна постучала. Соседка открыла сразу, будто ждала её.

– Добрый день Зоя Петровна. – поздоровалась Анна.

– Анна! Как хорошо, что ты пришла. Заходи.

Анна зашла. Внутри было чисто и уютно.

– Проходи на кухню, сейчас чай поставлю, я как раз пирожков напекла, с яблоками. – Ну как ты? Устроилась? – спросила Зоя Петровна, суетясь на кухне.

– Вроде бы да. – Анна аккуратно присела на край табуретки возле стола.

Женщина тем временем наставила всяких вкусностей и налила горячий ароматный чай.

– Угощайся. – сказала она и посмотрела на Анну.

– Спасибо. – ответила та и взяла пирожок. – Зоя Петровна, я хотела вас спросить... вы знаете, кто жил в этом доме? И почему он достался мне?

– Так Волошины и жили. Говорят, дом этот был самым красивым в округе. Белый фасад, колонны, липовая аллея. Ещё бабушка моя рассказывала, она тогда девчонкой была. Её мать там в прислугах служила, а она ей помогала. Сергей и Лидия Волошины, и дочка у них была Аглая, одна единственная. Красавица, светлые волосы, зеленые глаза. В девятьсот тринадцатом году, как только восемнадцать ей исполнилось, она замуж вышла за Николая Ширяева, молодого офицера. Только счастье длилось недолго. Помер он через пару месяцев.

– От чего помер-то? – Анна сделала глоток чая.

– Да кто ж его знает, только нашли его в какой-то день на липовой аллее. Глаза открыты и в них ужас застыл.

Анна чуть не поперхнулась, она молча уставилась на Зою

Петровну. А та продолжала: – Говорят, у Аглаи горничная была, тоже в Николая этого влюблённая. Что уж там у них произошло, не знаю, а после свадьбы горничная эта прокляла и их, и дом. Вот теперь тут всякая чертовщина и творится. Люди и дом и аллею стороной обходят.

– Да... – Анна отпила еще чай. – такого я и представить не могла. А у Аглаи были дети?

– Нет, насколько мне известно, детей у неё не было. Так она одна тут всю жизнь и прожила, правда очень долгую жизнь, ей уж за 100 было. Замуж больше не вышла, потом в девяносто первом куда-то уехала и больше не возвращалась.

– Странно. – Анна задумчиво посмотрела на неё. – почему именно мне она оставила свой дом?

– Действительно странно. – согласилась Зоя Петровна и тоже задумалась.

– Я думала, что мы родственники, у моей мамы девичья фамилия – Волошина. Но если у Аглаи не было детей, значит род прервался?

– Выходит так, непонятно.

– Ладно, пойду я, Зоя Петровна, спасибо за угощение.

– Да мне только в радость, готовить-то не для кого, одна я живу. Личная жизнь как-то не сложилась, замуж не вышла, детей не родила. Ты уж заходи ко мне.

– Обязательно. – улыбнулась Анна и вышла.

Вернувшись в дом, Анна задержалась у стены с фотографиями в потемневших рамках. На них – лица незнакомых людей. Вот – семейная пара: Сергей и Лидия Волошины 1892 г.

На другой – они же, но на коленях у Сергея маленькая девочка – Аглая 1898 г. Дальше – несколько фотографий Аглаи в разном возрасте. На одной Анна задержала взгляд: молодая девушка в кружевном платье – Аглая, сидящая в саду у липовой аллеи. Очень красивая, длинные светлые волосы уложены в тугий пучок, несколько прядей падают на лицо. У ног – корзина с яблоками. Но взгляд её, полный ненависти, устремлен куда-то в сторону.

Анна перевела взгляд на следующую фотографию – другая девушка, тоже сидящая в саду, красивые черты лица, глаза мягкие, в руках – яблоко. Тёмные волосы распущены, в них – очень красивый гребень с завитками и камнями, блестящими даже на старом снимке. Внизу подпись “ Варвара Волошина”.

Анна коснулась стекла: кто же ты? Вроде бы Аглая была единственным ребёнком. В этот момент за спиной послышалось лёгкое дыхание – еле слышное. Анна обернулась – никого. Только еле заметный шорох, будто кто-то прошёл по полу босыми ногами. Анна вернулась к фотографиям. Ещё на одной – уже не молодая, но узнаваемая Аглая, и, что интересно, теперь у неё в волосах тот же самый гребень. “ Надо бы узнать про эту Варвару, кто она?” – подумала Анна и вспом-

нила про подвал. “Наверняка там хранятся старые документы или записи. Попрошу сторожа, чтобы открыл мне его.”

Весь день Анна провозилась в доме, разбирая старые книги, бумаги. И не заметила, как наступила ночь.

“ На сегодня хватит” – сказала она себе и поднялась в спальню. Подошла к окну, чтобы задернуть шторы. Луна пробивалась сквозь ветви лип, и аллея лежала перед домом – тёмная, вытянутая, будто дорога в чужой сон. Там на дорожке стоял мальчик. Тот самый. В короткой куртке, волосы, падающие на лоб. Анна не закричала, только прикрыла рот руками.

Мальчик поднял голову. Его глаза блестели, но не отражали свет. Казалось, он смотрит прямо на неё. Мальчик медленно поднял руку и показал куда-то за дом, в сторону подвала. Потом губы зашевелились, беззвучно, как в замедленном сне. Через секунду он дрогнул, как дым, и исчез.

“ Что же ты хочешь мне сказать? “ – Анна обняла себя за плечи и продолжала вглядываться вглубь аллеи, но мальчик больше не появился.

Наутро, проснувшись и позавтракав, Анна позвала соседа – сторожа:

– Доброе утро, Павел Матвеевич.

– Доброе, Анна Михайловна. Как устроились?

– Все хорошо, спасибо. Я хотела вас попросить открыть подвал.

Он хмуро посмотрел на неё.

– Зачем вам туда, Анна Михайловна? Там мыши, плесень, и запах.

– Мне нужно проверить, может там есть что-то важное.
Павел почесал затылок.

– Ладно, пойдёмте, а то ведь не успокоитесь.

Он взял инструменты и пошёл к дому вслед за Анной.

Они напрямиком направились к подвалу. Павел работал быстро, и через десять минут все доски были убраны. Анна открыла дверь. Снизу ударило холодом, густым, с запахом сырости. Анна сделала шаг вперёд. Внутри было темно, луч фонарика выхватывал лестницу, облупленные стены, и следы паутины, похожие на старые сети. Внизу что-то блеснуло.

– Не ходите туда, – тихо сказал Павел, – воздух тяжёлый, может газ, да и пол гнилой.

– Мне нужно увидеть, – прошептала она.

Она спустилась на три ступени, фонарик дрожал в руках.

Блеск повторился – как будто кто-то глубоко внизу двигался с зеркалом. И в тот момент, когда Павел отступил на шаг, от двери пошёл низкий гул – будто дом застонал. Из глубины донёсся щелчок – короткий, металлический, как если бы кто-то завёл музыкальную шкатулку.

Потом звук шагов. Лёгких, босых. По ступеням – вверх.

Павел побледнел, схватил Анну за руку и потянул назад:

– Уходим.

– Кто там? – спросила она, шагнув обратно, и сама испугалась, как тихо прозвучал её голос.

Ответа не было.

Только запах – теперь отчётливо сладковатый, как у яблок, оставленных гнить. Дверь вдруг захлопнулась сама собой. Металлический звук отозвался эхом по дому. Свет фонарика погас.

– Что это было, Павел Матвеевич? – спросила Анна, когда они вышли на улицу. Он не успел ответить. В это время к ним подошла соседка, Зоя Петровна.

– Что случилось? – она в упор посмотрела на Павла.

– Да, вот, подвал открыли. – сказал он, опустив глаза.

– Ох, не к добру это. – заохала соседка.

– Вы что-то не договариваете. – Анна посмотрела на них обоих. – не хотите рассказать?

– Пойдёмте ко мне, чайку попьём. – вздохнула Зоя Петровна.

И они все дружно отправились к ней в дом. Усевшись за кухонным столом, Павел пересказал все, что они почувствовали у входа в подвал, и добавил:

– Это все проклятие, до сих пор там живёт.

– А как от него избавиться? – спросила Анна, сама себе удивляясь, что действительно верит во все это.

– Если бы знать. – Зоя Петровна налила всем чаю. – но, думаю, ты на правильном пути. Нужно постараться выяснить всю историю. Когда Аглая здесь жила, она ни с кем особо не общалась, почти не выходила. Я даже ни разу в этот дом не заходила.

– А я заходил. – вдруг сказал Павел. – Аглая Сергеевна просила всякие работы по дому поделать. Но почти не разговаривала, сидела молча.

– Так мы ничего не узнаем. Я, наверное, съезжу в городской архив, попробую там что-то выяснить. – решила Анна. – или

поищу в интернете, должна быть какая-нибудь информация. А завтра давайте все-таки спустимся в подвал, надо посмотреть, что там.

– Ладно. Я с вами пойду. – вдруг согласился Павел.

– Вот и хорошо. – Анна улыбнулась и направилась к двери. – да, Зоя Петровна, а где тут у вас магазин? Надо бы продукты купить, раз я собираюсь здесь жить.

– Да вот прямо на соседней улице, дойдёшь до перекрёстка и направо, а там увидишь.

– Спасибо. – поблагодарила Анна и вышла.

Сев в машину, Анна поехала в магазин. Это был небольшой супермаркет, в котором пахло свежим хлебом и мылом. Продавщица – полная женщина с внимательными глазами, узнала её сразу:

– Вы, значит, в старом доме теперь живёте? Волошинском?

Анна кивнула, укладывая хлеб, чай, молоко и сладости в корзину.

– Да, привыкаю.

– Говорят, там ночью свет видят, – добавила продавщи-

ца, не спрашивая, просто констатировала. – Не пугайтесь, может луна отражается.

Анна улыбнулась натянуто:

– Может и луна.

Анна вернулась домой, выгрузила пакеты с продуктами и подошла к воротам. На каменном столбике сидела кошка – чёрная, с белой грудкой, как крохотный галстук. Глаза у неё были жёлтые, внимательные, и Анне показалось, будто она ждала именно её.

– Привет, – сказала Анна, опуская пакеты. – Ты, похоже, меня сторожишь? Кошка не шевельнулась. Только хвост медленно качнулся, будто в знак согласия. Анна открыла калитку – кошка поднялась и первой вошла во двор. Потом остановилась у двери и посмотрела на хозяйку так, будто спрашивала разрешения.

– Ну уж ладно, – улыбнулась Анна. – Если ты решила остаться, добро пожаловать. Она принесла кошке блюдце с молоком, и та сразу устроилась у камина, свернувшись клубком. Впервые за все время в доме стало чуть теплее.

Но, когда Анна поднялась наверх, на лестнице она почувствовала лёгкий шорох и кошачье рычание, низкое, настороженное.

Кошка стояла у двери в подвал, выгнув спину. Шерсть на ней поднялась дыбом, хвост дрожал.

Анна подошла ближе – и заметила под дверью узкую щель света.

Секунда – и свет исчез.

Кошка фыркнула, как будто отогнала кого-то невидимого, и побежала обратно к камину. Анна осталась стоять, прислушиваясь. Дом снова был тих. Только запах яблок стал чуть сильнее.

– Спасибо, – прошептала она. – Хорошо, что ты пришла.

Она устроилась рядом с кошкой у камина и открыла свой ноутбук. – Так, посмотрим, о чем нам поведает интернет. – и набрала в поисковике: “ Дом Волошиных. История усадьбы.”

Интернет тут же выдал:

“Усадьба Волошиных основана в 1830-х годах помещиком Алексеем Волошиным. После революции здание национализировано, было военным штабом, затем какое-то время пустовало, но потом одной из оставшейся семьи Аглае Волошиной удалось вернуться в усадьбу...” и т.д.

Анна пролистала вниз. Одна ссылка вела на старый форум о “заброшенных местах”. Пользователь с ником Nocturna писал:

“Дом Волошиных стоит в конце липовой аллеи. По легенде, в доме жила внебрачная дочь отца семейства, которую замуровали в подвале после того, как она прокляла весь род. С тех пор в доме пахнет яблоками, а по ночам видят свет на аллее. Люди обходят дом стороной. Горе тому, кто поселиться в доме.” Анна сжала губы:

– Как интересно, а ведь действительно есть запах яблок.

Она встала и подошла к стене с портретами, посмотрела

на надпись под фотографией: Варвара Волошина.

– Может ты и есть внебрачная дочь?

Глава 4

Ночью Анна спала крепко. Кошка устроилась у неё в ногах, согревая своим теплом, и Анна сразу успокоилась.

Дом проснулся, когда замок на калитке тихо скрипнул.

Шаги – тяжёлые, неосторожные, пахнувшие дымом и дешёвым вином. Бродяга Фёдор вошёл во двор, спотыкаясь, и выругался. Дождь моросил, и он искал, где спрятаться от ветра. Окна были тёмные, только на втором этаже слабый отсвет луны падал на занавеску. Фёдор немного повозился с замком на двери, и она открылась. “Даже если здесь кто-то живёт, я тихонечко пережду дождь и уйду. Меня никто и не заметит.” – подумал он и вошёл. Он достал фонарик. Луч света прошёлся по залу, по лестнице, по картинам. На мгновение ему показалось, что один из портретов следит за ним. Фёдор замер, потом усмехнулся: “Вино, дурак, меньше пить надо.” Он пошёл дальше. Сквозняк шевельнул занавеску, и где-то раздался щелчок. Фёдор заметил приоткрытую дверь, ведущую вниз, в подвал. Он осветил проем и хмыкнул:

– Пережду здесь... хоть крыша над головой. Может там и вино хранится. Он спустился. Воздух был влажный, тяжёлый. Луч фонарика отражался от чего-то блестящего. Он подошёл ближе и увидел деревянный ящик, открытый. Заглянул внутрь – там, на узкой коробочке лежал гребень для волос – золотой, с камнями, блестящими в темноте, как живые.

– Во это да... – прошептал он. – Вот так повезло. Наверняка можно дорого продать такую вещь.

Он взял гребень в руку. Сначала почувствовал просто холод, потом – боль. Металл врезался в кожу, словно зубцы шевельнулись. Откуда-то донесся тихий звон и зазвучала музыка.

На стенах зажглись отблески, похожие на отблески зеркал. Тени двигались, складываясь в силуэт женщины – волосы распущены, глаза горят тускло-зеленым. Она подняла руку, и Фёдор понял, что пальцы у нее – тонкие, золотистые, как зубцы гребня. Он вскрикнул и попятился назад, а потом бросился бежать наверх по лестнице, не выпуская гребень.

Анна проснулась от какого-то шума и звука сирены. Быстро надела спортивный костюм и выглянула в окно. Вдоль аллеи сустились люди в форме, мелькали белые халаты. Ветер гнал жёлтые листья, и они липли к чёрному пакету, которым было что-то накрыто, или кто-то. Анна накинула куртку и вышла во двор. Среди небольшой толпы зевак, наблюдавшей за происходящим, она увидела Зою Петровну. Подошла к ней и поздоровалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.